Социология культуры, духовной жизни
Sociology of Culture, spiritual Life

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-93-108

УДК 316.347(470.62)

**РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА
В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

ШАХБАНОВА Мадина Магомедкамиловна

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

e-mail: madina2405@mail.ru

Анотация: В статье рассматривается проявление религиозной идентичности городского населения Дагестана. Полученные эмпирические данные показывают доминирование с большим перевесом в массовом сознании опрошенных республиканского типа социальной идентичности. Авторская гипотеза о важности для респондентов религиозной идентичности результатами исследования не подтвердилась, ибо обозначение респондентами единства с единоверцами превалирует только в подгруппе убежденно верующих. Кроме того, для горожан большое значение имеет осознание общности с представителями своей этнической общности. Вместе с тем проведенное исследование выявило противоречивое поведение горожан: так, изучение религиозной идентичности городского населения свидетельствует о превалировании значимости религиозной принадлежности. Кроме того, эмпирические данные показывают существование в установках горожан рассмотрения вероисповедания как составной части этнокультуры, что вполне закономерно при наблюдающемся синтезе этнического и религиозного факторов в форме этноконфессиональной идентичности. Формированию позитивной религиозной идентичности в определенной степени способствует уровень доверия к различным социальным сферам, в частности религиозным институтам. Данные опроса свидетельствуют о слабом уровне доверия единоверцам, при одновременно высоком его проявлении к ближнему радиусу.

Ключевые слова: горожане, городское население, городское пространство, доверие, ислам, религия, религиозная сфера, религиозная идентичность, типы социальной идентичности, религиозная принадлежность

Для цитирования: Шахбанова М.М. Религиозная идентичность городского населения Дагестана в структуре социальной идентичности. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 1. с. 93-108.

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-93-108

Original article

RELIGIOUS IDENTITY OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN
IN THE STRUCTURE OF SOCIAL IDENTITY

Madina M. SHAKHBANOVA,

Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center
Russian Academy of Science
Makhachkala, RussiaORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract: The article deals with the manifestation of the religious identity of the urban population of Dagestan. The obtained empirical data show the dominance of the Republican type of social identity with a large preponderance in the mass consciousness of the respondents. The author's hypothesis about the importance of religious identity for respondents was not confirmed by the results of the study, because the designation of unity with co-religionists by respondents prevails only in a subgroup of convinced believers. In addition, the awareness of community with representatives of their ethnic community is of great importance for citizens. At the same time, the study revealed contradictory behavior of citizens: for example, the study of the religious identity of the urban population indicates the prevalence of the importance of religious affiliation. In addition, empirical data shows the existence in the attitudes of citizens of the consideration of religion as an integral part of ethno-culture, which is quite natural in the observed synthesis of ethnic and religious factors in the form of ethno-confessional identity. The level of trust in various social spheres, in particular religious institutions, contributes to the formation of a positive religious identity to a certain extent. The survey data indicates a weak level of trust in co-religionists, while at the same time its high manifestation to the near radius.

Keywords: citizens, urban population, urban space, trust, Islam, religion, religious sphere, religious identity, types of social identity, religious affiliation

For citation: Shakhbanova M.M. Religious identity of the urban population of Dagestan in the structure of social identity. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.1. PP. 93-108. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-93-108

Введение

В России в последние 15 лет появилось множество работ, в которых широко используется понятие «идентичность», и их тематика настолько разнообразна, что исчерпывающе представить ее (идентичность. – *Авт.*) вряд ли возможно. Вместе с тем в представленных научных исследованиях теоретического, впрочем, как и эмпирического, характера, к сожалению, не всегда встречается детальное пояснение содержания феномена «идентичность». Авторы различных концепций используют дефиницию «идентичность», исходя из изначальной очевидности понимания ее значения, хотя в реальности ситуация выглядит иначе. Поэтому можно согласиться с позицией О.А. Симоновой, что «социологи охотно приняли кон-

цепцию социальной идентичности, под которой понимают совокупность отнесения человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу и т.д. Если традиционно понятие идентичности относилось к личности как субъекту действия, то теперь его значение расширилось. Вместо "коллективных представлений" и "группового мышления" стали говорить о коллективной, или групповой, идентичности. Наряду с личностной идентичностью социальная идентичность считается важным регулятором самосознания и социального поведения» [1, с. 46]. Благодаря большому пласту разработок идентичности и разных методологических концептов сформировались общие положения, которых придерживаются в рамках наиболее известных концептов идентичности: во-первых, ресурсом для образования идентичности являются социокультурная среда и межличностное взаимодействие; во-вторых, идентичность выступает как одна из форм выражения самосознания и осознанности; в-третьих, идентичность рассматривается как целостное переживание определенной ситуации; в-четвертых, идентичность очень часто выступает как предполагающая целостность; в-пятых, идентичность в современном обществе приобретает статус «рефлексивного проекта»; в-шестых, идентичность рассматривается как незавершенный проект по причине существования культурного плюрализма и многомерности современного мира, предопределенного виртуальной коммуникацией [2, с. 55].

Таким образом, проблема социальной идентичности, иерархия ее типов, индикаторы воспроизводства каждого из них актуализированы в современном обществе. Если официальная российская власть и ее политика сосредоточена на формировании и укреплении в общественном сознании граждан значимости именно государственно-гражданской идентичности, то среди типов социальной идентичности, как показывают эмпирические данные, наиболее актуализированы и ярко окрашены именно этническая и религиозная. Более того, можно наблюдать их синтез в форме этноконфессиональной идентичности, которая имеет важное значение для людей, рассматривающих исповедуемое вероучение как составную часть национальной культуры своей этнической общности. Видимо, с учетом данного фактора «актуализацию религиозной идентичности можно рассматривать не как возрастающую религиозную активность населения и его возврат к вере, а скорее как повышение потребности в устойчивых культурно-цивилизационных характеристиках в жизни индивида и общества» [3, с. 17]. Иными словами, обозначение своей конфессиональной принадлежности индивидом может проявиться не только через обозначение себя как носителя определенного вероучения, но и через отождествление с этнокультурой, на которую влияние оказало исповедуемое религиозное учение.

Прежде чем перейти к изложению религиозной идентичности городского населения Дагестана, следует отметить, что сам концепт религиозности вызывает большие сложности по причине отсутствия в современной науке единого теоретико-методологического подхода ее исследования, поэтому данное понятие в зависимости от исходных теоретико-методологических предпосылок может рассматриваться как «многомерное явление» [4]. Несколько иначе обстоит дело с понятием «религиозная идентичность», потому что на ее формирование огромное влияние оказывает усложняющееся социальное окружение, ибо как один из типов социальной идентичности религиозная идентичность оказывает заметное воздействие практически на все социальные области, среди которых огромное зна-

чение имеет влияние на установки обобщенного, межличностного и институционального доверия.

По мнению исследователей, религиозная идентичность как один из типов социальной идентичности «формируется и передается благодаря присутствию в общественном и частном пространстве религиозных категорий и классификаций, религиозных знаний, религиозных ценностей» [5, с. 46]. Под религиозной идентичностью И.А. Юрасов и О.А. Павлова понимают «отождествление индивида с какой-либо религиозной доктриной, системой догм, воззрений, определенной конфессией, группой верующих» [6, с. 25], при этом заслуживает внимания обозначение ими базой становления религиозной идентичности религиозного интеллекта, понимаемого как «комплекс социально-психологических характеристик, качеств индивида, которые делают возможным мистические, религиозные переживания» [7, с. 25].

Открытость обсуждения культовой мотивации индивида, активизация религиозного поведения, усиление значимости конфессионального компонента в современном обществе, а также другие не менее важные факторы являются питательной средой для формирования религиозной идентичности, повышают ориентацию человека на самоидентификацию как представителя конкретной этноконфессиональной общности. Кроме того, по мнению исследователей, введение в образовательную школьную программу курса «Основы религиозных культур и светской этики» выполняет важнейшую роль в процессе формирования на первичном уровне социализации религиозной идентичности.

Религиозной идентичности, как и иным типам социальной идентичности, характерны когнитивные, эмоциональные, поведенческие компоненты, что определяет значимость самоидентификации с конкретной группой. Индикатором измерения религиозной идентичности выступает «чувство интенсивно переживаемой связи с единоверцами». Вместе с тем следует отметить, что сама природа религиозной идентичности обладает такими свойствами, как поверхностность, подвижность, множественность, что позволяет ей пластично рефлексировать на социальные трансформации культурного и политического пространства. По мнению С.В. Рыжовой, «множественность религиозной идентичности может выражаться в том, что, помимо традиционного для России монотеизма (христианство, ислам, иудаизм), религиозная идентичность может содержать и компоненты языческих верований, суеверий, недифференцированной духовности (в стиле новых религиозных движений); она может быть мировоззренческой (или духовной), культурной, этноконфессиональной, когда та или иная религиозность выступает компонентом культурной традиции или культура подталкивает к религиозной самоидентификации. Концептуализация религиозности как религиозной идентичности не отменяет ее "примордиального" происхождения, но позволяет более прицельно взглянуть на механизмы социального влияния религиозного сознания на социальные взаимодействия» [8, с. 49].

Автор разделяет понимание религиозной идентичности как «соединение личных религиозных порывов (вера или психологическая установка в отношении некоей "высшей силы") с потребностью в социальной принадлежности. В случае принадлежности к монотеистической традиции она формируется как идентификация верующего человека со своей религиозной группой (как реальной, так и категориальной), разделение соответствующих идей и ценностей. Следование обычаю, участие в религиозных обрядах и ритуалах рождает чувство групповой со-

причастности к единоверцам и фиксирует данную идентичность в определенных "культурных кодах" (по Дж. Александру)» [9, с. 51].

Таким образом, в данной статье рассматривается религиозная идентичность городского населения Дагестана, показаны индикаторы ее воспроизводства.

Характеристика исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана проведен в 2020 г. в г. Дербенте, Каспийске, Махачкале, Хасавюрте. N – 563.

Результаты исследования

В рамках исследования религиозности и религиозного поведения городского населения ключевым является установление социальных групп, с которыми респонденты обозначают чувство общности и единства (см. табл. 1).

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос «С какой из групп Вы испытываете чувство общности?» (%)

Table 1 Distribution of answers to the question "Which group do you have a sense of community with?" (%)

Варианты ответов / Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
С представителями своего народа	33,7	24,7	16,3	15,8	0	26,3
С представителями всех дагестанских народов	38,0	46,9	32,6	10,5	22,2	40,5
С россиянами	16,6	19,9	25,6	15,8	16,7	18,9
С людьми моей религии	47,8	23,2	20,9	10,5	16,7	31,5
С людьми одного возраста со мной	13,7	18,8	16,3	26,3	11,1	16,7
С людьми, близкими мне по политическим взглядам	3,4	10,3	11,6	31,6	16,7	8,8
С людьми моей профессии	8,3	10,3	7,0	5,3	5,6	9,0
Ни с кем	1,0	5,5	9,3	15,8	38,9	5,6

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Эмпирические данные свидетельствуют о превалировании в массовом сознании городского населения Дагестана значимости республиканского типа самоидентификации (половина респондентов), причем по типу религиозности превалируют подгруппы убежденно верующих и верующих. Далее второе ранговое место занимает религиозная идентичность, осознание общности с единоверцами (каждый третий), и здесь обращает на себя внимание позиция подмассива «верующие», в котором доля таковых существенно меньше, по сравнению с «убежденно верующими». Кроме того, можно отметить и характерную подмассивам «убежденно неверующие» и «неверующие» позицию обозначения чувства общности с последователями одного вероисповедания, хотя, по мнению автора, данные подгруппы должны были в полной мере ис-

ключить свою общность с единоверцами. Этническая идентичность важна для одной трети убежденно верующих, каждому четвертому из подмассива верующих, одной шестой части колеблющихся и неверующих. Российская идентичность обозначена почти равной долей во всех подгруппах, за исключением самоидентифицирующихся как «колеблющиеся» (одна четвертая часть). При этом поколенческая идентичность, по сравнению с другими подмассивами, востребована в массовом сознании каждого четвертого в подгруппе «неверующие», хотя в их установках также заметное место занимает политическая идентичность. На последней позиции находится профессиональная идентификация, и сравнительно больше отметивших данное суждение среди самоидентифицирующихся как «верующие» (каждый десятый респондент); в подмассиве «убежденно неверующие» превалирует суждение «ни с кем» (одна треть респондентов).

Полученные по возрастному признаку результаты исследования показывают, что осознание чувства общности с дагестанцами увеличивается с повышением возраста с 38,5% в разрезе «до 20 лет» до 45,8% «от 40 до 50 лет», хотя можно наблюдать заметное уменьшение веса республиканской идентичности в массовом сознании старшего поколения («от 60 лет и старше»), при почти одинаковых процентных показателях в возрастных когортах «до 20 лет» (38,0%) и «от 60 лет и старше» (40,5%). Наблюдается с возрастом снижение доли респондентов, обозначающих чувство общности с единоверцами, причем подгруппы «до 40 лет» отмечают значимость религиозной идентичности: 35,0% «до 20 лет», 37,2% «от 20 до 30 лет», 34,9% «от 30 до 40 лет», 25,3% «от 40 до 50 лет», 19,4% «от 50 до 60 лет» и 23,3% «от 60 лет и старше». Такая позиция вполне поддается объяснению: поколение после 40 лет – это поколение, выросшее при социалистическом государстве, в котором доминировала атеистическая идеология, следовательно, иные мировоззренческие установки; соответственно, в массовом сознании приоритеты будут иметь иные типы социальной идентичности. Так, политическая самоидентификация важна для каждого восьмого опрошенного в подгруппе «от 50 до 60 лет» и одной четвертой части респондентов «от 60 лет и старше». При этом одна вторая часть в подмассиве «от 60 лет и старше» отметила значимость государственно-гражданской идентичности. Кроме того, можно обозначить и важность для подгрупп «от 50 до 60 лет» (16,4%) и «от 60 лет и старше» (10,0%) профессиональной идентичности. Далее, по сравнению с другими подгруппами, возрастная самоидентификация важна для одной четвертой части респондентов «до 20 лет», и данную позицию разделяет почти одинаковая доля респондентов в остальных подмассивах. Если посмотреть результаты исследования по образовательному параметру, можно констатировать заметные отличия: так с повышением образовательного уровня увеличивается доля респондентов, обозначающих чувство общности с представителями всех дагестанских народов с 33,3%, имеющих базовое среднее образование, до 44,6% с высшим образованием. Такая же картина характерна и для этнической идентичности: если она обозначена каждым пятым опрошенным, имеющим базовое среднее образование, то в остальных подгруппах данной позиции придерживается одна четвертая часть опрошенного городского населения. При этом обращает на себя внимание заметное уменьшение количества респондентов, которые ощущают чувство общности с единоверцами: доля таковых больше среди опрошенных со средним специальным образованием (одна вторая часть), каждый третий в подгруппе с базовым и средним образованием, одна четвертая часть имеют высшее образование. У респондентов с высоким об-

разовательным статусом можно отметить востребованность российской идентичности (каждый четвертый) в сравнении с когортой с более низким уровнем образования. Также можно констатировать, что подгруппы со средним специальным и высшим образованием обозначают чувство общности с профессиональным сословием (каждый девятый опрошенный).

Таким образом, проведенный анализ результатов исследования на вопрос «С какой из групп Вы испытываете чувство общности?» показывает доминирование в массовом сознании городского населения республики с заметным отрывом от других позиций осознания чувства общности с представителями всех дагестанских народов, причем данный тезис разделяют респонденты независимо от типа религиозности, возраста и образования. Вместе с тем для массового сознания горожан огромное значение имеет религиозная идентичность, но обращает на себя внимание ее относительно слабое осознание подгруппой «верующие», хотя авторская гипотеза заключалась именно в приоритетности данного типа социальной идентичности, которая не нашла своего подтверждения в рамках проведенного исследования. Кроме того, можно заметить существенные отличия в обозначении чувства общности в возрастном разрезе: если старшее поколение больше ориентировано на поддержание политической, профессиональной и российской идентичности, то поколение до 40 лет, наоборот, отмечает чувство единения с носителями одного вероисповедания. Разумеется, поколение, выросшее на волне религиозного, в данном контексте исламского, ренессанса при стремлении религиозного духовенства доминировать практически во всей социальной ткани общества, обуславливает ориентированность молодого поколения именно на мусульманское вероучение. Хотя можно с большим скепсисом относиться к реальному поведению мусульман, но факт остается фактом: в общественном сознании молодых горожан религиозная самоидентификация занимает одну из ключевых позиций. Можно согласиться с мнением М.М. Мchedловой, что «религиозная самоидентификация при этом происходит не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной национальной культурой, образом жизни, в значительной мере сформировавшимся под воздействием данной религии» [10, с. 17]. Также результаты исследования позволяют сделать вывод, что осознание чувства общности, а также выраженность того или иного типа социальной идентичности зависит от образовательного уровня респондента: чем оно выше, тем слабее выглядят позиции религиозной идентичности, при превалировании республиканского, этнического и российского типов самоидентификации. Однако если сопоставить результаты исследования с опросом 2014 г., то равные позиции имели республиканская и российская идентичности (по 31,1%), а этническая идентичность была важна для 18,0% опрошенных. При этом позиции религиозной идентичности выглядели существенно слабее, и среди предложенных шести вариантов ответов данный тип занимал предпоследнее место, пропустив вперед другие типы социальной идентичности (14,6%), т.е. можно отметить существенное укрепление за прошедший период позиций религиозной идентичности в массовом сознании опрошенных горожан. В этой связи актуально звучит мысль дагестанских исследователей, что «с кризисом межнациональных отношений в Дагестане религиозное сознание все более активно выступает как средство возрождения и развития этнонационального самосознания коренного населения региона ... Тенденция к интеграции населения по конфессиональным и национальным признакам проявляется все заметнее, но, тем не менее, пока не

стала определяющей...» [11, с. 60], видимо, «в условиях социально-политической нестабильности и дефицита гражданских структур 1990-х гг. религиозность и этничность стали для россиян основой формирования новых макроидентичностей» [12, с. 49].

Иными словами, можно сделать вывод о заметной выраженности иногрупповой идентичности, суть которой заключается в «личной значимости идентичности для человека», в данном случае речь идет о религиозной идентичности. Полученные эмпирические данные показывают, что для опрошенного городского населения Дагестана конфессиональная самоидентификация имеет существенное значение, поэтому обозначение своей принадлежности к единоверцам и ощущение чувства единства с ними является индикатором социально-психологических параметров выраженности идентичности и групповой сплоченности, которые, в свою очередь, показывают интенсивность и неинтенсивность религиозной идентичности, ее вес и востребованность в массовом сознании.

В рамках изучения выраженности религиозной идентичности необходимо принимать во внимание существование тесной связи между этнической и конфессиональной принадлежностью человека, ибо порой бывает сложно определить, какая из них важнее для индивида. Для дагестанских народов данный аспект заметно актуализируется в ходе обозначения значимости того или иного вида социальной идентичности: в науке существует понятие «культурная религиозность», по которому, например, дагестанские народы являются приверженцами мусульманской религии, без подразделения их на суннитов и шиитов, не говоря о мазхабах. На тесную связь этнического и религиозного компонентов в идентификационных процессах обращает внимание А.В. Малащенко, подчеркивая возросшее влияние ислама на формирование идентичности кавказских народов, в данном контексте последователей ислама [13, с. 61]. Таким образом, отечественной науке характерно рассматривать религию как существенный элемент культурного наследия, и из такого подхода необходимо вытекает понимание религии как неотъемлемого компонента в процессах воспроизводства этнической идентичности. Поэтому в иерархии этнообъединяющих маркеров «религиозная самоидентификация выступает устойчивым элементом построения этнической идентичности, вносит существенный вклад в формирование чувства "мы". Общая вера является значимым символом этногрупповой солидарности» [14, с. 62]. Однако, несмотря на то, что религия не выполняет роль ведущего этноинтегрирующего и этнодифференцирующего маркера, ее значимость в процессах становления этнической идентичности довольно высока. Религиоведы отмечают, что сегодня этноконфессиональная идентичность, складывающаяся на основе традиционных российских конфессий, оказывается значительно шире, чем собственно религиозная мировоззренческая идентичность: социологические опросы показывают, что количество людей, идентифицирующих себя с той или иной религиозной традицией, оказывается значительно больше, чем количество верующих и стремящихся к соблюдению предписанных конфессией правил (касающихся как внешнего поведения, так и моральных норм) [15].

Глубинное изучение религиозной идентичности показывает существование в массовом сознании городского населения республики непоследовательности: если, по сравнению с республиканской, заметно слабее выглядят позиции религиозной идентичности, то опрошенные придают большое значение своей конфессиональной принадлежности (см. табл. 2).

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?» (%)

Table 2 Distribution of answers to the question "To what extent is your religious affiliation important to you?" (%)

Варианты ответов // Отношение к религии	Для меня очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня не очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность
Тип религиозности			
Убежденно верующий	88,8	5,9	2,0
Верующий	73,1	13,3	5,2
Колеблющийся	25,6	48,8	14,0
Неверующий	10,5	26,3	52,6
Убежденно неверующий	11,1	16,7	66,7
Возраст			
До 20 лет	77,8	15,4	4,3
От 20 до 30 лет	74,5	10,2	8,0
От 30 до 40 лет	66,7	15,5	7,8
От 40 до 50 лет	69,9	10,8	12,0
От 50 до 60 лет	56,7	19,4	11,9
От 60 лет и старше	76,7	13,3	10,0
Образование			
Базовое среднее	58,3	19,4	13,9
Среднее	74,0	15,0	5,5
Среднее специальное	77,3	10,9	6,7
Высшее	69,4	13,7	9,2
Всего:	71,0	13,8	8,3

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Результаты, полученные на вопрос «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?», констатируют противоречивость в позициях городского населения Дагестана. Так, если эмпирические данные на вопрос «С какой из групп Вы испытываете чувство общности?» показывают, что религиозная идентичность в массовом сознании горожан занимает второе место, то полученные на «контрольный вопрос» данные свидетельствуют о важности для них собственно конфессиональной принадлежности, причем ее позиции довольно весомы, хотя можно проследить существенные отличия в ответах по возрастному и образовательному признакам. Так, ранее было отмечено, что для респондентов старшего поколения и имеющих высокий образовательный статус значимы республиканский, российский и этнический типы социальной идентичности, однако глубинное изучение вопроса самоидентификации показывает, что для этих подгрупп огромное значение имеет и религиозная принадлежность, соответственно, и исповедуемое вероучение. Даже можно отметить, что в

сравнении с молодым поколением и подмассивом с низким уровнем образования в когорте взрослого поколения и имеющих высшее образование заметно меньше доля указывающих на незначимость конфессиональной принадлежности. При этом вполне ожидаемой является позиция самоидентифицирующихся как «колеблющиеся», «неверующие» и «убежденно неверующие», придерживающихся суждений «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность» и «для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность». Таким образом, эмпирические данные являются основанием для констатации факта существования в массовом сознании городского населения Дагестана непоследовательности: с одной стороны, доминирование республиканского типа идентичности, с другой – обозначение важности религиозной принадлежности. Кроме того, наблюдается противоречивость в позициях респондентов по типу религиозности, относящихся к подгруппам «неверующие» и «убежденно неверующие»: для одной девятой части неверующих и каждому десятому из подмассива убежденно неверующих «очень важна религиозная принадлежность». Эти результаты подтверждают тезис, что «культурная религиозность», или религиозная самоидентификация, является мировоззренческой, идеологической позицией, но не религиозностью в прямом смысле этого слова. Самоидентификация не предполагает, что данный человек разделяет соответствующие религиозные верования и следует религиозным практикам, поэтому «собственно уровень религиозности – это численность практикующих верующих, т.е. тех, кто разделяет определенное вероучение, соблюдает предписываемые религиозные практики» [16, с. 40].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в установках каждой из подгрупп проявляется, во-первых, этнический принцип (обозначение вероучения национальной религией своего народа), во-вторых, культурная религиозность (идентификация с определенной религией независимо от типа религиозности – верующий/неверующий).

Происходящие не только в современной России, но во всем мире противоречивые религиозные процессы свидетельствуют о тесной связи, вернее, синтезе этнической и религиозной идентичностей, поэтому широкое распространение в общественном сознании населения, как уже ранее было отмечено, получила этноконфессиональная идентичность. Как известно, в европейских странах остро обозначилась проблема миграции носителей иной религиозной веры, сопряженная с трудностями их социальной адаптации в инокультурной и иноэтнической среде. При этом мигранты проявляют своеобразие «этнического поведения» в форме нежелания приспособливаться в инациональной среде: «не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. Особенно четко это проявляется в тех случаях, когда речь идет об иммигрантах иных конфессий, чем местное население» [17, с. 22].

При исследовании религиозности, культового поведения, значимости религиозной идентичности для индивида не менее важным является определение численности идентифицирующих себя с определенной религией (православие, ислам, католицизм, протестантизм и т.д.), не говоря о национальных и других восточных религиозных течениях и сектах, которые получили широкое распространение на постсоветском пространстве. Отсутствие в переписи населения данных об отношении к религии вынуждает исследователей оперировать результатами социологических опросов, что не всегда отражает реальную картину чис-

ленности последователей конкретно взятого вероисповедания. А статистические данные позволили бы более глубже охарактеризовать религиозную сферу, понять причины возникновения религиозной интолерантности в современном российском обществе.

В рамках изучения типов религиозности, значения религиозной идентичности закономерно возникает вопрос о месте и роли религии в жизни не только конкретно взятого человека, но и национального образования. По мнению Г.Н. Юсуповой, для многих этнических групп религия является неотъемлемой и важной частью культуры [18, с. 154]. Подтверждением тезиса исследователей, что религия является важным компонентом национальной культуры этнической общности, являются полученные на вопрос «Согласны ли Вы со следующим суждением – "религия моего народа есть составная часть культуры моего народа"?» эмпирические данные. В массовом сознании превалирует позиция, рассматривающая вероисповедание как часть этнокультуры (63,3%); по типу религиозности утвердительно ответили 73,2% самоидентифицирующихся как «убежденно верующие», 65,3% «верующих» и 46,5% «колеблющихся»; противоположной позиции придерживаются 36,8% опрошенных в подгруппе «неверующие» и 38,9% «убежденно неверующие». Но при этом одна треть неверующих и каждый пятый в подгруппе убежденно неверующих затруднились выразить свою позицию. Если посмотреть результаты опроса по возрастному разрезу, то 69,2% опрошенных «до 20 лет», 62,0% «от 20 до 30 лет», 63,6% «от 30 до 40 лет», 56,6% «от 40 до 50 лет», 64,2% «от 50 до 60 лет» и 56,7% «от 60 лет и старше» придерживаются позиции, что исповедуемое вероучение является частью этнокультуры их народа. Противоположное суждение, в сравнении с другими подгруппами, отмечено опрошенными в возрастной когорте «от 20 до 30 лет» (16,1%) и «от 60 лет и старше» (16,7%), хотя в последней подгруппе одна треть респондентов затруднилась выразить свою позицию. По образовательному параметру существенных отличий не наблюдается: в пределах от 63,9% респондентов, имеющих базовое среднее образование, до 66,4% со средним специальным образованием рассматривают религию как часть национальной культуры своей этнической группы. Не согласных с данным тезисом, по сравнению с другими подгруппами, больше в подмассиве с низким образовательным статусом – 16,7% с базовым средним образованием.

Анализ выраженности религиозной идентичности показывает ее важность, наряду с другими типами самоидентификации, для опрошенного городского населения, более того, респонденты подчеркивают значимость собственной конфессиональной принадлежности, что свидетельствует о существовании интенсивной религиозной идентичности, предполагающей чувство сильной связи с единоверцами. Кроме того, обозначение чувства единства с последователями одного вероисповедания закономерно ставит вопрос о состоянии и культуре доверия. Если обратиться к самому понятию «доверие», то исследователи отмечают, что оно (доверие. – Авт.) является «феноменом, с трудом поддающимся универсальной концептуализации. Под доверием скрываются многообразные компоненты осознанного и бессознательного, связанные с отношением к людям и социальным объектам, их оценка в контексте "надежности"» [19, с. 111].

В социологическом исследовании 2017 г. был затронут вопрос доверия к различным социальным слоям и структурам российского общества (см. табл. 3).

Таблица 3 Распределение ответов на вопрос «Кому Вы в наибольшей степени доверяете?» (%)

Table 3 Distribution of answers to the question "Who do you most trust?" (%)

Варианты ответов	Доверяю	Не доверяю
Своей семье	84,3	3,8
Родителям	69,9	3,2
Друзьям	30,1	8,1
Коллегам	6,9	8,1
Представителям своего народа	4,0	6,1
Представителям своей религии	8,7	8,3
Федеральной власти	3,1	20,0
Республиканской власти	1,1	31,6
Республиканскому правительству	0,7	27,4
Местной власти	0,5	33,9
Правоохранительным структурам (суду, полиции, прокуратуре)	0,9	38,1
СМИ (газеты, журналы, Интернет и т.д.)	0,9	40,1

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

В рамках данного исследования для нас интерес представляют данные, показывающие степень доверия к единоверцам. Так, эмпирические данные свидетельствуют о том, что конфессиональная принадлежность человека не рассматривается опрошенными как фактор, влияющий на формирование определенной степени доверия: почти одинаковая доля респондентов отметила позиции «доверяю» и «не доверяю» представителям своего вероисповедания. Иными словами, можно сделать вывод о слабой выраженности обобщенного доверия, то есть доверия вообще к своему окружению. Причины здесь могут быть самые разные, начиная от недоверия к исламскому духовенству и духовным лицам и заканчивая уже личностным уровнем.

Резюмируя анализ данного блока исследования, можно утверждать, что признак или параметр обозначения существующей связи или чувства общности со своей группой является констатацией социально-психологических индикаторов проявления типов социальной идентичности, в данном ракурсе религиозной (исламской) самоидентификации, выражением сплоченности, демонстрирующей, во-первых, яркость религиозной идентичности, во-вторых, индикатор ее значимости и силы в общественных процессах. Но при этом в массовом сознании довольно слабы позиции доверия к единоверцам, что свидетельствует о существовании в латентной форме определенных проблем в межличностном общении.

Заключение

Изучение проблемы религиозной идентичности городского населения Дагестана показывает превалирование в его массовом сознании с существенным преимуществом от других позиций республиканского типа социальной идентичности. При этом исследование не выявило заметных различий при самоидентификации в разрезе отношения к религии, а также по социально-демографическим параметрам. Анализ места религиозной идентичности среди типов социальной идентичности констатирует ее важность для опрошенных горожан, а она занимает второе ранговое место в этой

иерархии. Авторская гипотеза о доминировании религиозной идентичности над иными типами самоидентификации в позициях убежденно верующих и верующих результатами исследования не подтвердилась, более того, процентные показатели подгруппы верующих почти равны с подмассивами колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих, обозначающих самоидентификацию с единоверцами. Вместе с тем результаты исследования показывают наличие заметных отличий в процессе самоидентификации по возрастному признаку: так поколение до 40 лет подчеркивает значимость религиозной самоидентификации, а более взрослая когорта акцентирует внимание на российском, профессиональном и политическом типах социальной идентичности. Такая позиция объясняется тем, что эти поколения отличаются друг от друга: старшее поколение выросло при другой политической системе и воспитано на совершенно противоположной идеологии на базе атеистического мировоззрения, в то время как мировоззренческие установки молодого поколения сформировались на фоне религиозного, в данном контексте исламского, возрождения. Несмотря на довольно противоречивые процессы, происходящие в религиозной сфере, стремление духовных лидеров проникать в социальную ткань, молодое поколение показывает свою ориентированность на религиозное мировоззрение, хотя можно наблюдать несогласованность между обозначением своего отношения к религии (тип религиозности) и интенсивностью их культового поведения.

По результатам исследования установлено существование в массовом сознании городского населения республики несогласованности и даже непоследовательности: так, при обозначении осознания чувства общности со всеми дагестанскими народами респонденты подчеркивают значимость для себя религиозной принадлежности – «для меня имеет очень важное значение моя религиозная принадлежность», причем она имеет большой вес в их массовом сознании. Более того, данной позиции придерживается подавляющая часть респондентов практически по всем параметрам анализа (отношение к религии, социально-демографический). Кроме того, можно проследить превалирование республиканского типа идентичности при одновременном обозначении важности конфессиональной принадлежности и обращает на себя внимание позиция неверующих и убежденно неверующих, которые обозначают свое отношение к вере, но при этом подчеркивают суждение «для меня очень важна моя религиозная принадлежность». Также в массовом сознании городского населения можно отметить существование тесной связи между этническим и религиозным компонентами: так, больше половины опрошенных рассматривают собственное вероисповедание как часть этнокультуры своей общности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 45-61.
2. Там же.
3. Мчедлова М.М. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. – 2012. – № 4. – С. 10-24.
4. Бабиц Н.С., Хоменко В.И. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 89-96. DOI: 10.19181/socjour.2013.2.384.
5. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. – 2017. Т. 23. – № 3. – С. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.

6. Юрасов И.А., Павлова О.А. Дискурсивное исследование религиозной идентичности // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 7 (125). – С. 24-29.
7. Там же.
8. Рыжова С.В. Указ. соч.
9. Там же. – С. 51.
10. Мчедлова М.М. Указ. соч.
11. Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религия в культуре народов Дагестана. – Махачкала, 1996. – 108 с.
12. Рыжова С.В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 49-58. DOI: 10.31857/S013216250004006-9.
13. Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М.: Гендальф, 2001. – 180 с.
14. Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия): Информационно-аналитический бюллетень. – М.: Институт социологии РАН, 2012. – 97 с.
15. См.: Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественной жизни современной России. – М.: Научная книга, 2005; Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. – М.: Новое литературное обозрение, 2006; Широкалова Г.С., Аникина А.В. Политический выбор РПЦ как фактор, определяющий ее будущее // Социологические исследования. – 2007. – № 10; Каарияйнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // URL: http://www/religare.ru/article_print.php?num=58; Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. – 2009. – № 4; Рамазанов Р.О. Проблема исламского самосознания в современном обществе // Диалог культур в глобализирующемся мире. Диалог культур и культура диалога: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Махачкала, 24–25 апреля 2019 г.) / Под ред. В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой. – Махачкала: АЛЕФ, 2019; Рамазанов Р.О. Вопросы толерантности и религиозная идентичность дагестанских народов // Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Майкоп, 23–25 мая 2019 г.) / Отв. ред. С.А. Ляушева. – Майкоп, 2019. – С. 190-195.
16. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 35-45.
17. Старые и новые лики национальной проблемы / Отв. ред. А.А. Галкин. – М.: Институт социологии, 2005. – 304 с.
18. Юсупова Г.Н. Борьба этнических групп за статус. Роль религии // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 143-158.
19. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: Монография / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 400 с.

REFERENCES

1. Simonova O.A. K formirovaniyu sociologii identichnosti [Towards the formation of the sociology of identity]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2008. No. 3. Pp. 45-61.
2. Tam zhe.
3. Mchedlova M.M. Sovremennye parametry vozvrashcheniya religii: rakursy problem [Modern parameters of the revival of religion: the problem of perspective]. Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2012. No. 4. Pp. 10-24.
4. Babich N.S., Homenko V.I. Logicheskie i prakticheskie trudnosti mnogomernogo podhoda k izmereniyu religioznosti [Logical and practical works of a multidimensional approach to measuring religiosity]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2013. No. 2. Pp. 89-96. DOI: 10.19181/socjour.2013.2.384.
5. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya [Religiosity in the context of a culture of trust]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2017. T.23. No.3. Pp. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
6. Yurasov I.A., Pavlova O.A. Diskursivnoe issledovanie religioznoj identichnosti [Discursive study of religious identity]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. 2018. No. 7 (125). Pp. 24-29.
7. Tam zhe.
8. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya [Religiosity in the context of a culture of trust]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2017. T.23. No. 3. Pp. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
9. Tam zhe.
10. Mchedlova M.M. Sovremennye parametry vozvrashcheniya religii: rakursy problemy [Modern parameters of the revival of religion: the problem of perspective]. Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2012. No. 4. Pp. 10-24.
11. Kurbanov M.R., Kurbanov G.M. Religiya v kul'ture narodov Dagestana [Religion in the culture of the peoples of Dagestan]. Mahachkala, 1996. 108 s.
12. Ryzhova S.V. Religioznost', etnokonfessional'naya identichnost' i problemy mezhetnicheskogo soglasiya [Religiosity, ethno-confessional identity and problems of interethnic harmony]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological reseaches]. 2019. No. 2. Pp. 49-58. DOI: 10.31857/S013216250004006-9.
13. Malashenko A.V. Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza [Islamic landmarks of the North Caucasus]. M.: Gendal'f, 2001. 180 p.
14. Identichnost' i konsolidacionnyj resurs zhitelej Respubliki Saha (Yakutiya). Informacionno-analiticheskij byulleten' [Identity and consolidation resource of residents of the Republic of Sakha (Yakutia) Information and analytical Bulletin]. M.: Institut sociologii RAN, 2012. 97 p.
15. Sm.: Mchedlov M.P. Religiovedcheskie ocherki. Religiya v duhovnoj i obshchestvennoj zhizni sovremennoj Rossii [Religious studies essays. Religion in the spiritual and social life of modern Russia]. M.: Nauchnaya kniga, 2005; Mitrohin N. Russkaya pravoslavnaya cerkov': sovremennoe sostoyanie i aktual'nye problem [The Russian Orthodox Church: current state and current problems]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006; Shirokalo G.S., Anikina A.V. Politicheskij vybor RPC kak faktor, opredelyayushchij ee budushchee [Political choice of the POC as a factor determining its future]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological reseaches]. 2007. No. 10; K. Kaarijnen, D. Furman Religioznost' v Rossii v 90-e gody [Religiosity in Russia in the 90s]. URL: http://www/religare.ru/article_print.php?num=58; Kublickaya E.A. Osobennosti religioznosti v sovremennoj Rossii [Features of religiosity in modern Russia]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological reseaches]. 2009. No. 4; Ramazanov R.O. Problema is-

- lamskogo samosoznaniya v sovremennom obshchestve [Problem of Islamic consciousness in modern society]. Dialog kultur v globaliziruyushchemsya mire. Dialog kultur i kultura dialoga [Dialog of cultures in globalized world. Dialog of cultures and culture of dialog]. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) (Makhachkala, 24–25 aprelya 2019 g.). Pod red. V.E. Manapovoy, O.S. Mutievoy. Makhachkala: ALYEF, 2019; Ramazanov R.O. Voprosy tolerantnosti i religioznaya identichnost dagestanskikh narodov [Problems of tolerance and religious identity of dagestan people]. Pozitivnyy potentsial islama kak faktor etnosotsialnoy konsolidatsii Rossii [Positive potensial of islam as factor of ethno-social consolidation of Russia]. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Maykop, 23–25 maya 2019 g.). Otv. red. Lyausheva S.A. Maykop, 2019.
16. Filatov S.B., Lunkin R.N. Statistika rossijskoj religioznosti: magiya cifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological reseaches]. 2005. No. 6. Pp. 35-45.
17. Starye i novye liki nacional'noj problem [Old and new faces of the national problem]. Otv. red. A.A. Galkin. M.: Institut sociologii, 2005. 304 p.
18. Yusupova G.N. Bor'ba etnicheskikh grupp za status. Rol' religii [The struggle of ethnic groups for status. The role of religion]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2012. No. 3. Pp. 143-158.
19. Mezhnacional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossijskogo obshchestva: [monografiya] [Interethnic solidarity as resource of consolidation of Russian society: [monograph]. Otv. red. L.M. Drobizheva. M.: Institut sociologii RAN, 2016. 400 p.

Информация об авторе: Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>
Science Researcher ID: ABA-2690-2020,
madina2405@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Madina M. Shakhbanova, Doctor in Sociological Sciences, Senior Researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
Science Researcher ID: ABA-2690-2020,
madina2405@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 23.12.2020

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.02.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.02.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests